Ворожихина К.В.

Борис Шлёцер и Лев Шестов

Борис Федорович Шлёцер (Boris de Schloezer) (1881–1969) сделал себе имя во Франции как музыкальный и литературный критик, блестящий переводчик; в меньшей степени он был известен как писатель и мыслитель. Благодаря переводам Шлёцера для западного читателя была открыта не только русская литература (Гоголь, Толстой, Достоевский, Лесков), но и русская философия: он перевел большую часть работ Льва Шестова («Достоевский и Ницше (философия трагедии)» (1926); «Апофеоз беспочвенности» (1927); «Власть ключей: potestas clavium» (1928); «Кьеркегор и экзистенциальная философия: глас вопиющего в пустыне» (совместно с дочерью Шестова Т. Ражо, 1936, ed. les Amis de Léon Chestov et Librairie philosophique); «Афины и Иерусалим» (1938); «На весах Иова: странствование по душам» (1971); «Начала и концы: сб. статей» (перевод Б. Шлёцера и С. Лунё, 1987). Шлёцер был тем, кто, по словам Ива Бонфуа, «ввел Шестова во Францию и перевел его»[1]. В своих переводах Шлёцеру удалось, по замечанию дочери философа Н. Барановой-Шестовой, «передать напряжение, подъем и лиризм, характерные для произведений Шестова»[2]. Однако он был не просто посредником, медиатором, Шестов ценил статьи Шлёцера о себе, поскольку чувствовал, что проблематика его философии близка Шлёцеру.

Борис Шлёцер родился в Витебске; учился в Париже и Брюсселе. В Брюссельском университете Шлёцер изучал социологию и в 1901 г. защитил диссертацию о феномене эгоизма. В России он сотрудничал с журналами «Золотое руно» и «Аполлон».

Шлёцер познакомился с Львом Шестовым в Киеве в доме родственников философа Балаховских зимой 1918–1919 г. (Софья Исааковна, сестра мыслителя, была замужем за Д.Г. Балаховским.)

В 1921 г. Борис Шлёцер, как и многие, покидает Россию и оседает в Париже. Там он работает секретарем в периодическом издании Revue Musicale, в том же году знакомится с Жаком Ривьером и начинает постоянное сотрудничество с литературным журналом Nouvelle Revue Française.

---

[1] *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т. 2. Paris, 1983. С. 313.

[2] Там же. С. 313.

Его первая крупная работа (единственная написанная на русском языке) посвящена Александру Скрябину («А. Скрябин. Т. 1. Личность. Мистерия»), с которым был знаком лично – его сестра Татьяна Федоровна была второй женой композитора. С этой книги начинается его «странствование по душам»; Шлёцер рассматривает личность и идеи Скрябина, его мировоззрение, философские истоки его творчества. Книга была закончена в 1919 г., вышла в 1923 г. в Берлине в издательстве «Грани» и была переведена на французский в 1975 г.

По мнению исследователей, оценки Шлёцера отличаются субъективностью; книга о Скрябине не является исключением. Сабанеев считал, что многое в мировоззрении Скрябина сложилось под влиянием Шлёцера[3]; Шлёцер пытался понять и объяснить творчество Скрябина, подвести под него философские основания, для этого он знакомил композитора с философской литературой. Можно утверждать, что монография о Скрябине отражает в философские представления автора, в книге «идеи Скрябина... могут подменяться мыслями самого Шлёцера»[4], поэтому эта работа позволяет отчасти прояснить его идеи. Высокую оценку книге дали Л. Шестов и его друг, композитор и музыкальный критик Г. Ловцкий[5].

В 1929 г. выходит книга Шлёцера об И. Стравинском (Igor Stravinsky, éd. Claude Aveline, Paris), которая отражает эволюцию его эстетических размышлений – впоследствии он утверждал, что отошел от идей, изложенных в ней.

За границей Шлёцер занимается переводами романов русских писателей, что приводит к появлению работы о Гоголе (Nicolas Gogol, Plon, Paris) в 1932 г. По всей видимости, исследование личности Гоголя, его творчества и судьбы способствовало возникновению идей, впоследствии оформившихся в концепт «мифического Я».

В 1947 г. выходит работа Шлёцера «Введения в творчество И.С. Баха, опыт музыкальной эстетики» (Introduction a J.-S. Bach, essai d'esthétique musicale, éd. Gallimard, Paris), которая оказала влияние на молодых французских композиторов как выражающая позицию новой музыки: Шлёцер поддерживал сериальную музыку. Он был связан дружескими отношениями со многими французскими композиторами своего времени (среди них Андре Букурешлиев).

После войны он продолжает сотрудничество с Nouvelle Revue Française, начинает интересоваться новыми явлениями в звуковых ис-

[3] *Сабанеев Л.* Воспоминания о Скрябине. М.: Классика-XXI, 2003.

[4] *Свиридовская Н.* Борис Шлёцер: введение в творчество // Научный вестник Московской консерватории. 2010. № 1. С. 146.

[5] *Ловцкий Г.* Рец. на кн. Шлёцера Б. «А. Скрябин. Личность. Мистерия». Т. 1. Берлин, 1923 // Современные записки. 1923. Кн. XVI.

кусствах: электронной и конкретной музыкой. Это нашло свое отражение в книге «Проблемы современной музыки» (Problèmes de la musique moderne, éd. de Minuit, Paris, 1959), написанной в соавторстве с племянницей Мариной Скрябиной, дочерью композитора. Андрэ Букурешлиев, на которого Шлёцер оказал значительное влияние, считал, что Шлёцер научил многих во Франции говорить о музыке.

В 1957 г. он прекращает сотрудничество с журналом отчасти из-за здоровья, но также и потому, что его все в большей степени начинают занимать философские и метафизические вопросы. Об этом свидетельствуют его последние произведения. В 1964 г. в Mercure de France появляется его новелла «Секретный доклад» (Rapport secret). В этом философском рассказе ставятся вопросы о личности, смерти и бессмертии. В 1969 г. выходит роман «Мое имя никто» (Mon nom est personne, Seghers, Paris), в котором главным предметом его философской рефлексии становится проблема отношения автора и произведения, вымысла и реальности.

Последним произведением, вышедшим уже после его смерти, был исправленный, переработанный «Гоголь»; подзаголовком новой книги было: «Человек и поэт, или заклятые друзья» (Nicolas Gogol, l'homme et le poète ou les frères ennemis, l'Herne, 1972). Темой книги был конфликт между творческим, созидающим, тираническим и независимым «мифическим Я» и личностью Гоголя, которая со страхом открывает, что все, что создает его творческое «мифическое» alter ego, утверждает противоположное тому, что сам Гоголь считает истинным, благим.

Как указывает Г.-Б. Колер, теорию «мифического Я» Шлёцер разрабатывал в 40-е гг. (после смерти Льва Шестова) и с ней «вступил после войны в литературно-критический круг так называемой "женевской школы" (école de Genéve), подготовившей будущую французскую "nouvelle critique" 60-х годов. ..."Nouvelle critique" боролась против традиционного со времен французского критика Шарля де Сен-Бева (1804–1869) биографического подхода в литературной критике и поэтому сосредоточилась на проблеме автора»[6]. Женевская школа, представителями которой были Жан Старобински, Жорж Пуле, Жан Руссе, пыталась выработать новый принцип интерпретации текстов, основываясь на русском формализме и феноменологии. Они «выносили за скобки» внешние обстоятельства

[6] *Колер Г.-Б.* Между адогматизмом и «nouveau roman». Интертекстуальные реминисценции ко Льву Шестову в романе Mon nom est personne (Мое имя – никто) Бориса Шлёцера (1969) // Вестник молодых ученых. 2004. № 5. Сер.: Филологические науки. 2004. № 1. С. 69.

создания литературного произведения (например, биографические, личностные) и стремились к имманентному прочтению произведения.

Произведение для Шлёцера представляет собой «"Я" отличное от меня, автономный субъект, средоточие моих мыслей, чувств, образов, с которым, отвечая на некоторого рода вызов, я устанавливаю молчаливый диалог, и который я собственно созерцаю...»[7] В произведении слышится не голос автора, а «голос произведения самого по себе; оно ... не говорит ничего, кроме того, что оно есть: это присутствие, говорящее о себе»[8]. Произведение является автономным субъектом, обладающим независимым от автора существованием. По мнению Шлёцера, невозможно объяснять произведение исходя из личности автора – это, считает он, тождественно сведению известного к неизвестному.

По словам Шлёцера, творя, созидая что-либо, человек творит и себя, а именно создает свое «мифическое Я». Эта формула применима не только к художнику, она может касаться и любой сферы деятельности – политической, социальной, научной: «Практика "мифического Я" обнаруживается уже в том факте, что изначальный автор, пишущий свой роман, постепенно изменяется. История написания романа, таким образом, является историей возникновения "мифического Я". Скоро уже автор вынужден признать, что его персонажи не только самобытны, но даже господствуют над ним»[9]. Трагедию Гоголя Шлёцер объясняет столкновением, противоборством мифического и «человеческого» Я: «Человеческое Я (человек) не допускает того, что создает мифическое Я (поэт), а последний не в состоянии творить иначе, чем ему диктовалось свыше. Такая ситуация непременно ведет к творческому изнеможению»[10]. По мнению Колер, в концепции Шлёцера с очевидностью «присутствует некий мистический элемент, но этот подход – явный отказ от традиционного биографического метода»[11].

В романе «Мое имя никто» Шлёцер разрабатывает концепцию личности как «lieu de passage» («место перехода»), то есть человеческое Я для Шлёцера предстает как точка, пространство, в которое стекаются мысли, и эти мысли, идеи рождаются не в центре личности, они приходят извне. Таким образом, Я теряет свою определен-

[7] *Scolezer B. de.* L`oevre, l`auteur et l`homme // Pour un temps / Boris de Schloezer. Centre George Pompidou/Pandora Edition, 1981. P. 118.
[8] Там же. P. 118.
[9] *Колер Г.-Б.* Между адогматизмом и «nouveau roman». С. 69.
[10] Там же. С. 70.
[11] Там же.

ность, оно преходяще, нестабильно, поэтому оно никогда не бывает тождественно самому себе. Как замечает Колер: «Человек, как "автор" своих мыслей, оказывается в романе... нереальным... Поэтому над эфемерностью "Я" Шлёцер поставил аутентичность "мифического Я" и, таким образом, признал, что художественное творение более реально, чем живой человек»[12]. Личности нет, она оказывается пустотой, и эта позиция перекликается с той, которую Шлёцер приписывает Скрябину: «Индивидуальность – это драгоценная чаша, из которой Единый пьет вино сознания страдания и робости. Я – только чаша»[13]. Личность, с точки зрения Шлёцера, как это указывал Ив Бонфуа, описывается апофатической формулой: «Я не есть что-то», поэтому – мое имя никто. У личности есть лишь иллюзорность сознания себя.

Сближение Шестова и Шлёцера начинается с 1920 г. В письмах к Шестову 1923 г. Шлёцер пишет: «Бесконечное спасибо за то, что Вы мне дали, за любовь и дружбу. Вы мне были отцом последние два года. Больше <чем> отцом <во плоти>»[14]; «Ваша любовь, дружба – самое дорогое для меня»[15]. В это же время он становится переводчиком работ Шестова на французский. Шлёцером написано немного статьей о философе (среди них Léon Chestov[16], Lecture de Chestov[17]), однако в его критических статьях, рецензиях, романе «Мое имя никто» нередко встречается имя философа. Книгу о Гоголе он посвятил Шестову.

В статьях Шлёцер всегда высоко оценивает философию Шестова. Так, в рецензии на «Переписку из двух углов» Вяч. Иванова и М.О. Гершензона, Шлёцер пишет: «Я не знаю за последние годы после войны и революции произведения более значительного, более волнующего и острого, за исключением статей Льва Шестова, с которыми «Переписка», впрочем, находится в некоторой внутренней связи»[18]. Тема культуры, одна из основных тем «Переписки...», является важной и для Шлёцера. По его мнению, в основе культуры, прежде всего, западной,

---

[12] Там же. С. 76.

[13] *Шлёцер Б.Ф.* От индивидуализма к всеединству: Доклад, читанный в Обществе имени Скрябина // Аполлон. 1916. № 4–5. Апрель–май. С. 59.

[14] Переписка Льва Шестова с Борисом Шлёцером. ИМКА-Пресс, 2011. С. 24.

[15] Там же. С. 23.

[16] Boris de Schloezer. Léon Chestov. Revue Philosophique de la France et de l'Étranger. T. 149 (1959).

[17] Sur la confins de la vie, Flammarion, Paris, 1966. Préface aux œvres de Chestov, La philosophie de la tragédie. Затем: Pour un temps / Boris de Schloezer. Centre George Pompidou/ Pandora Edition, 1981.

[18] *Шлёцер БФ.* Русский спор о культуре: Вячеслав Иванов и М.О. Гершензон – «Переписка из двух углов» // Современные записки. 1922. Кн. XI. С. 195.

лежит культ преклонения перед вещью: «...всякая культура по мере своего роста заражается фетишизмом. ...Рост, развитие культуры в том и состоят, что продукты рук и ума человеческих, создания личного и коллективного творчества начинают постепенно отделяться от породившего их человека, начинают жить самостоятельной жизнью, приобретают абсолютное значение, в дальнейшем развиваются уже из себя, так сказать, давая начало иным образованиям, неожиданным часто и чуждым первому их творцу – человеку»[19]. Культура, которая не нашла сил для обновления, должна быть преодолена, она изжила себя. Застылость, закостенелость форм, фетишизм, который выражается в машинизме, то есть превращении «человеческой личности в слугу машины, в средство, в аппарат для добывания и выработки благ»[20]. Шлёцер указывает на «фатальную неизбежность вампиризма культурных ценностей, обращающих породивших их творцов-артистов в рабов»[21]. Культура, зараженная фетишизмом, несет ответственность за дегуманизацию мира и за мировую войну.

Шлёцер дружил с П. Сувчинским и считал, что главная заслуга евразийцев состоит в критике западной культуры; но при этом указывал на то важное и положительное, что дала западная культура, – идею человечества, которая объединила мир в единое целое.

Идея критики культуры близка и Шестову. Борьба с властью идей, с господством общего, «всемства» – является одной из основных тем философии Шестова, а значит, это борьба и с культурой, которая есть объективация идей, давящих на индивида своей призрачной властью. Культура, по мысли философа, представляет собой уютный мирок, «завороженное царство».

В другой рецензии Шлёцер указывает: «Я не могу здесь, в этой рецензии, даже вкратце, бегло отметить богатейшее содержание этих страниц, где мысль Шестова достигает мгновениями редкого даже для нее напряжения и остроты»[22]. Отношение к философии Шестова отличается восторженностью. Также Бориса Федоровича весьма задевает то, что Э. Радлов в «Очерке истории русской философии» оказался неточным в характеристики философии Льва Шестова и показал свою неспособность «вскрыть первичную интуицию мыслителя»[23].

---

[19] Там же. С. 206.

[20] *Шлёцер Б.* Два полюса русской музыки // Современные записки. 1921. Кн. VII. С. 344.

[21] *Шлёцер Б.Ф.* Русский спор о культуре. С. 208.

[22] *Шлёцер Б.Ф.* «Окно». Литературный сборник. Кн. 3 // Современные записки. 1924. Кн. XX. С. 418.

[23] *Шлёцер Б.Ф.* Э. Радлов. Очерк истории русской философии // Современные записки. 1922. Кн. XII. С. 379.

По инициативе Шлёцера к 70-летию Льва Шестова был создан Комитет друзей Льва Шестова, который брал на себя финансирование издания сочинений философа. Кроме Шлёцера туда входили: Л. Леви-Брюль, Н.А. Бердяев, П. Дежарден, А. Добрый, М. Эйтингон, Ж. де Готье, А. Лазарев, Жан Полан. Шлёцер был секретарем комитета, председателем был назначен Леви-Брюль. Благодаря комитету была издана поздняя работа философа «Киркегард и экзистенциальная философия». Книга вышла в философской серии издательства Vrin тиражом 1000 экземпляров с пометкой «Les amis de Léon Chestov» («Друзья Льва Шестова») в 1936 г., на русском языке она появилась в 1939 г. после смерти философа.

В работах Шестова, судя по всему, имя Бориса Шлёцера встречается всего один раз – в статье, вышедшей в журнале Бердяева «Путь» (№ 21 (1930)), Шестов пишет, что Борис Шлёцер в своем эссе «В. Розанов» (Nouvelle Revue Française, № 194, 1.11.1929) приводит слова Розанова, стоящие повторения: «Бог в гробу – какая ужасная тайна! Бог глядит на человека из своего гроба. Глаза верующих христиан блещут бесконечной радостью, в их взорах есть что-то небесное, последнее, светлое, что-то, что вам почти мешает дышать. На самом деле, это просто – гроб»[24].

Борисом Шлёцером была переведена на французский язык работа Льва Шестова «Достоевский и Ницше (философия трагедии)». Перевод был издан La Pléiade в 1926 г.

Шестов считает Достоевского и Ницше братьями по духу, сближает идеи романов Достоевского и философию Ницше, считая, что в основе творчества русского писателя и немецкого мыслителя лежит некий сходный опыт, который приводит к «перерождению убеждений» одного, «переоценке всех ценностей» другого. Достоевский и Ницше являются великими психологами – они открывают эру психологии, которая противоположна эре разума и морали. И тот, и другой являются имморалистами, несмотря на то что у них пытались найти некую обновленную мораль. Философ и писатель не годятся в учителя, поскольку в их идеях нет прочности, нет равновесия, почвы, они мыслят противоречиями. Они не являются проповедниками, поскольку не выражают готовых истин, но находятся в непрестанном поиске, становлении и обращаются к читателям не как к пастве или ученикам, а как к свидетелям их духовных исканий.

Шлёцер указывает на то, что Шестов первый в России, наряду с Д.С. Мережковским, провел параллель, которая ранее не представлялась возможной – параллель между творчеством Достоевского и

[24] *Шестов Л.* Умозрение и откровение. Париж, 1964. С. 99.

философией Ницше. В своей статье о Достоевском и Ницше Шлёцер подчеркивает, что Достоевский является предшественником идей Ницше, между Ницше и Достоевским существует прямая связь: немецкий философ читал ряд произведений Достоевского («Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные», «Бесы») и в работах Ницше встречаются аллюзии на творчество русского писателя. Шлёцер поддерживает тезис Шестова о духовном родстве Достоевского и Ницше.

Достоевский и Ницше не отшатываются от человека как бы низко он ни пал, наоборот, именно такой человек становится предметом их изучения; они пытаются проникнуть в психологию личности, оказавшейся в «подполье». Как говорит Шлёцер, философ учится у Достоевского «опыту пережитого зла», Достоевский открывает для Ницше зло в психологическом смысле. Дух «подполья» роднит произведения русского писателя и работы немецкого мыслителя.

Отношение к Богу (атеизм Ницше и бунт против Бога героев Достоевского) – является еще одним сближающим моментом. Бог для Ницше и героев Достоевского оказывается личным врагом, которого необходимо отвергнуть, чтобы утвердить собственное своеволие, чтобы утвердить себя в качестве Бога. Отношение Ницше и бунтовщиков Достоевского к Иисусу Христу – аналогичное: симпатия, уважение; они никогда не критиковали Его, подчеркивая различие между Христом и христианством.

В других работах при исследовании творчества Достоевского Шлёцер в большой степени выступает как литературный критик. Анализируя романы писателя, он приходит к выводу, что они не являются воплощением определенных идей, которые хотел выразить Достоевский, но идеи вырастают из эстетического творчества, из формы, из эстетических особенностей произведений писателя: «Не о воплощении в образах теорий и идей нужно говорить применительно к творчеству Достоевского, но, наоборот, о возникновении теорий, идей через конкретный образ и его развитии, обусловленном эстетически, т.е. формально, а это значит: своеобразным языком Достоевского, своеобразной, трагической конструкцией его романов, концентрацией в них действия до предела, особенностями технических, литературных приемов его»[25]. Таким образом, у Достоевского форма определяет содержание произведения, поскольку форма никогда не бывает пустой, в ней всегда уже имеется некоторое содержание, смысл не существует вне формы: «Форма всегда наполнен-

[25] *Шлёцер Б.Ф.* Новейшая литература о Достоевском // Современные записки. 1923. Кн. XVII. С 456.

ная. ...Форма всегда есть форма материала... мы никогда не сталкиваемся с необработанной материей... Эстетическая форма всегда конкретна, единична, и ее смысл конкретный, единичный...»[26] Как уже было сказано, Шлёцер был близок к русскому формализму.

В фигуре Ницше Шлёцер видит прежде всего философа, и в его оценке немецкого мыслителя довольно отчетливо прослеживается влияние идей Шестова. В одной из рецензий Шлёцер утверждает, что Ницше должен быть нашим учителем в «умении быть беспощадными к себе... Он – лучший профессор искренности перед самим собою и беспокойства, которое не хочет быть обманутым и убаюканным многочисленными успокоительными средствами современной культуры. Так приятно и легко было бы укрыться за какой-нибудь ложью от навалившейся на нас чуждой, непонятной, страшной действительности и спрятаться за ширмами слов, теорий, идеалов... он понимал, ощущал всегда в глубине иллюзорный характер всех возвещенных им новых норм, формул, идеалов»[27]. Для Шлёцера, как и для Шестова, главными работами Ницше является не «Рождение трагедии» или «Так говорил Заратустра», а «Человеческое, слишком человеческое», «Утренняя заря» и др., то есть, согласно Шлёцеру, истина учения Ницше содержится не в работах профессора классической филологии, в свидетельствах человека, «источенного болезнью»[28].

Ницше, согласно идее Шлёцера, выступает против идеализма, окостенелости. Немецкий мыслитель – имморалист, он не пытается создать новую мораль, новые ценности, не в этом значимость его призыва. Он, пророк «героического пессимизма или трагического оптимизма» [29], заставляет забыть о покое, призывает постоянно находиться в становлении. Такова и позиция Шестова в оценке философии Ницше.

Шлёцер неоднократно замечает в своих статьях и рецензиях, что «подлинная рецепция Ницше состоялась лишь в России (Шестов)»[30], только Шестову удалось вскрыть драму Ницше, поскольку русский мыслитель исследует творчество Ницше в связи с его личностью, с его чувствами и эмоциями, – в живом психологическом единстве.

---

[26] *Scolezer B.* de. L`oevre, l`auteur et l`homme. Pour un temps/ Boris de Schloezer. Centre George Pompidou/ Pandora Edition, 1981. P. 115.

[27] *Шлёцер Б.Ф.* Рецензия на книгу: Andler Ch. La jeunesse de Nietzsche // Современные записки. 1921. Кн. VII. С. 419.

[28] Там же. С. 419.

[29] Там же.

[30] *Шлёцер Б.Ф.* Русский спор о культуре: Вячеслав Иванов и М.О. Гершензон – «Переписка из двух углов» // Современные записки. 1922. Кн. XI. С. 211.

Интересно, что Шлёцер указывает на принципиальное различие афоризмов Шестова и Ницше. Идеи Ницше представляют собой законченную форму, окончательное выражение мысли; «шестовский афоризм дает нам мысль еще in statu nascendi; не плод ее, не результат, но самый поиск, самое усилие; он вводит нас непосредственно в работу мысли, делает нас соучастниками ее. Отсюда формальная незаконченность афоризмов Шестова; отсутствие в них вывода, заключения»[31].

Шестов и в более поздних произведениях неоднократно возвращается к творчеству Достоевского и философии Ницше. Однако если в «Достоевском и Ницше» Шестов апеллирует к личностям своих героев, пытается проследить связь между опытом пережитого и их творчеством, то позднее – он использует их идеи. Так, работу Шестова «Власть ключей» – можно рассматривать как продолжение легенды о Великом Инквизиторе Достоевского. Основным объектом критики Шестова является понятие власти ключей, то есть «права католического духовенства вязать и решать людей»[32] от имени Самого Бога; это значит, то, что будет решено обладающим этими ключами (Иисус их вручает их апостолам, а именно Петру), будет решено и на небесах. Это понятие существует и в православии, и в протестантизме, но только в католичестве оно приобретает смысл неограниченной власти человека – папы. Решения папы навеки нерушимы, даже сам Бог не вправе изменить его решений, поскольку Он сказал, что передает свою власть апостолу, а Бог противоречить себе не может. Смысл идеи potestas clavium в том, что ключи хранятся не на небе, а на земле. Люди хотят, чтобы ключи хранились в их собственных руках, чтобы они властвовали над земным и неземным бытием. Тот, кто хочет спастись, должен позаботиться об этом на земле, то есть он должен рассчитывать на свои дела, на свои силы, забывая о том, что спасение приобретается лишь верою. Католицизм, по мнению Достоевского и Шестова, представляет собой начало, порабощающее человеческую свободу; при этом у Достоевского оно воплотилось в образе Великого Инквизитора, соблазнившего христианский мир искушениями дьявола, а «для Шестова этим началом был разум, поработивший все мироздание своими всеобщими и необходимыми истинами»[33]. Таким образом, Бог становится лишь высшей санкцией установленного людьми порядка.

---

[31] *Шлёцер Б.Ф.* Окно. С. 418.

[32] *Шестов Л.* Potestas clavium (Власть ключей). М., 2007. С. 45.

[33] *Гарина Т.С.* Проблема католицизма в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.И. Шестова // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1996. № 5. С. 59.

Значимую роль в философии Шестова играет концепт повторения, который он заимствует у С. Кьеркегора и Ф. Ницше. Вечное возвращение, повторение (он сближает эти понятия), по мысли Шестова, – это молот Бога, который разбивает все притязания разума. Шестов, цитируя слова Кьеркегора, говорит – вся жизнь есть повторение: «повторение – сама действительность; повторение – смысл существования»[34]. Повторение означает, что то, что существовало прежде, настанет вновь. Повторение – это, прежде всего, Чудо и Тайна; повторение – это воплощенная в действительность абсолютная свобода, осуществленное божественное своеволие: «Перед Его лицом и зло, и ложь сами собой перестают существовать, превращаются в ничто, которого не только в настоящем, но и в прошлом никогда не было, вопреки всем свидетельствам человеческой памяти»[35]. В трех основных для философии Шестова библейских сюжетах – о грехопадении, Аврааме и Иове – раскрывается смысл повторения, вечного возвращения.

* * *

Шестов развивает идеи Достоевского и Ницше, он использует их для борьбы против власти разума, который в религиозной философии Шестова не позволяет человеку приблизиться к Богу, а значит, препятствует освобождению и спасению. Однако Шлёцеру была близка не философия библейского откровения Шестова, а адогматические работы мыслителя, где критикуются идеализм, обожествление разума и абстрактного понятия добра.

В одном из писем Шестову Шлёцер пишет: «Я уверен, когда нас с Вами не будет и будут изучать Ваши сочинения, то их острие непременно притупят и сумеют найти у Вас “учение” и “использовать” Ваши мысли, Ваши проникновения… Ибо каждый, кто Вас читает или слушает, даже наиболее враждебно, должен чувствовать, что тут “что-то есть”, что Вам нечто открылось. И в то же время чувствуется, что с этим “что-то” ничего нельзя сделать. Принять – нельзя, отвергнуть – тоже нельзя. Остается “приспособить”… Я не мог бы обойтись без Вас, но именно поэтому я принужден отказаться от Вас, т.е. приспособить. Хотите этого или не хотите, мир Вам будет навязан и скорее всего теми, которые Вас любят»[36]. Шлёцер пытается приспособить, использовать философию Шестова, что нашло отражение в фантастическом рассказе «Секретный доклад». Быть верным учению Шестова в некотором смысле невозможно, поскольку стано-

[34] *Кьеркегор С.* Повторение. М., 1997. С. 10.
[35] *Шестов Л.* Афины и Иерусалим. М., 2007. С. 176.
[36] Переписка Льва Шестова с Борисом Шлёцером. ИМКА-Пресс, 2011. С. 49.

вясь последователем философии адогматического мышления, отрицаешь ее.

Шлёцер считал, что в личности Шестова не было мистической жилки; в то время как творчество Шлёцера оценивается исследователями как своего рода мистицизм: Сабанеев указывает, что «его [Шлёцера] взгляды... были странной смесью какой-то психологичности и рационализма с мистическими утверждениями и какой-то биомеханикой, разбавленными терминологией идеалистической философии»[37]; по мнению Колер, в концепции Шлёцера с очевидностью «присутствует некий мистический элемент»[38]. Мистицизм Шлёцера, по всей видимости, был мистицизмом без Бога. Бердяев в письме Шестову пишет о Шлёцере: «Он не принимает самого факта веры. Религия представляется ему статичной и бездвижной. Я думаю, что статично и бездвижно неверие и скептицизм... И ты, и Шлёцер, и все люди вашего духа восстаете против всякого, кто признает положительный смысл жизни. Но ведь признавать положительный смысл жизни и есть признак всякой религии...»[39]

Прояснить детали мировоззрения Шлёцера, установить связи между такими разными его работами, как статьи, рецензии и художественные произведения, не так просто. Как указывают близко знавшие его люди, он мало говорил о своих собственных идеях, можно выделить лишь небольшую группу «шлёцерцев», которая состояла из тех, кто его знал и слушал. По мнению Гаэтана Пикона, это стало причиной того, что он не занял более видного места в современной французской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова: В 2 т. Paris, 1983.

2. *Гарина Т.С.* Проблема католицизма в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.И. Шестова // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1996. № 5.

3. *Колер Г.-Б.* Между адогматизмом и «nouveau roman». Интертекстуальные реминисценции ко Льву Шестову в романе Mon nom est personne (Мое имя – никто) Бориса Шлёцера (1969) // Вестник молодых ученых. 2004. № 5. Сер: Филологические науки. 2004. № 1.

4. *Кьеркегор С.* Повторение. М., 1997.

[37] *Сабанеев Л.* Воспоминания о Скрябине. С. 211.

[38] *Колер Г.-Б.* Между адогматизмом и «nouveau roman». С. 70.

[39] Цит. по: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т.1. Paris, 1983. С. 286.

5. *Ловцкий Г.* Рецензия на книгу: Шлёцер Б. «А. Скрябин. Личность. Мистерия». Т. 1. Берлин, 1923 // Современные записки. 1923. Кн. XVI.

6. Переписка Льва Шестова с Борисом Шлёцером. ИМКА-Пресс, 2011.

7. *Сабанеев Л.* Воспоминания о Скрябине. М.: Классика-XXI, 2003.

8. *Свиридовская Н.* Борис Шлёцер: введение в творчество // Научный вестник Московской консерватории. 2010. № 1.

9. *Шлёцер Б.Ф.* А. Скрябин. Личность. Мистерия. Т. 1. Берлин, Грани, 1923.

10. *Шлёцер Б.Ф.* От индивидуализма к всеединству: Доклад, читанный в Обществе имени Скрябина // Аполлон. 1916. № 4–5. Апрель–май.

11. *Шлёцер Б.Ф.* Два полюса русской музыки // Современные записки. 1921. Кн. VII.

12. *Шлёцер Б.Ф.* Рецензия на книгу: Andler Ch. La jeunesse de Nietzsche // Современные записки. 1921. Кн. VII.

13. *Шлёцер Б.Ф.* Русский спор о культуре: Вячеслав Иванов и М.О. Гершензон – «Переписка из двух углов» // Современные записки. 1922. Кн. XI.

14. *Шлёцер Б.Ф.* Рецензия на книгу: Э. Радлов. «Очерк истории русской философии» // Современные записки. 1922. Кн. XII.

15. *Шлёцер Б.Ф.* Новейшая литература о Достоевском // Современные записки. 1923. Кн. XVII.

16. *Шлёцер Б.Ф.* «Окно». Литературный сборник. Кн. 3 // Современные записки. 1924. Кн. XX.

17. *Шестов Л.* Афины и Иерусалим. М., 2007.

18. *Шестов Л.* Умозрение и откровение. Париж, 1964.

19. *Шестов Л.* Potestas clavium (Власть ключей). М., 2007.

20. *Christensen Peter G.* Leon Shestov`s Existentialism and Artistic Creativity in Boris de Schloezer`s «Mon nom est personne»// The Tragic Discourse. Shestov`s and Fondane`s Existential Thought. Bern, 2006.

21. Pour un temps/ Boris de Schloezer. Centre George Pompidou/ Pandora Edition, 1981.

22. *Schloezer B. de.* L`idée de Bien chez Tolstoï et Nitsche (Collection de Philosophie Intellectualiste sous la direction de Jules de Gaultier; Edition du «Siecle») by Léon Chestov; T. Bérézovsky-Chestov; G. Bataille // Revue Philosophique de la France et de l`Étranger. T. 103.

23. *Schloezer B. de.* Léon Chestov // Revue Philosophique de la France et de l`Étranger. T. 149 (1959).

24. *Schloezer B. de.* Nicolas Gogol, Paris, 1946.